

Чиуне СУГИХАРА

1. Японское консульство в Каунасе/Ковно/

Японское консульство в Ковно - временной столице тогдашней буржуазной литовской республики открылось мной впервые осенью 1939 г. по распоряжению японского министра иностранных дел. Оно подчинялось ему непосредственно, хотя в Риге параллельно находилось японское посольство, с которым никакого по делам отношения в смысле подчиненности консульство не имело. Посланником в Риге, как Вы пишете правильно, был Г.Отака, только не в Ковно. В Ковно был только я один.

Как известно, за несколько лет до вспышки 2-ой мировой войны в кругах молодого офицерства генерального штаба японской армии наблюдалось крайне активное фанатическое движение за установление теснейших связей с немецко-фашистской армией. Одним из деятельных лидеров этого движения являлся японский посол в Берлине Х.Осима - он же генерал-лейтенант японской армии.

Генерал Осима, по состоянию которого отчасти был заключен так называемый троиственный военный пакт Оси между Японией, нацистской Германией и фашистской Италией, был, повидимому, заранее предупрежден Гитлером о чешском намерении напасти в скором времени на СССР. Генерал Осима, хотя сам хотел поверить завещанию Гитлера, все же не был на 100% уверен в правоте этого заверения и как ответственное лицо за подписание пакта Оси все время его беспокоила мысль - действительно ли выступит чешская армия против СССР? Дело в том, что в скором нападении чехов на СССР с запада был крайне заинтересован японский генштаб, который желал как можно скорее снять лучшие силы квантунской армии, т.е. японской армии в Маньчжурии, от маньчжурско-советской границы и перебросить на юные острова Тихого океана.

Как можно сколько и точно установить срок чешского нападения - вот, это было главной задачей для посла -

杉原千畝 M. Rybikowski
c. 1970

генерала, как впоследствие мне стало ясно, и именно для этой цели генштаб японской армии воздействовал на министерство иностранных дел открыть консульство в Ковно.

Будучи консулом в Ковно, где не было никакой японской колонии, я со временем стал соображать, что мое главное тут задание — это снабжать генштаб, а отнюдь не министерство иностранных дел, всеми сведениями, основанными на слухах и говорах, поступающих из литовско-германских / оккупированных / пограничных районов, о признаках концентрации и приготовления немецких войск к нападению на СССР. Надобность иметь новый глаз в Литве, наблюдающий за всеми приготовлениями немецкой армии, как позже в Кенигсберге мне стало ясно, именно на литовской, а не на своей немецкой стороне границы, называемая тем обстоятельством, что Гитлер не хотел осведомлять ген. Осима в подробном военном плане и несмотря на его требование что разрешал подчиненным ген. Осима офицерам — военным атташе из берлинского посольства свободно совершать поездки по пограничным районам в Восточной Пруссии.

Ровно через год, т.е. 31 августа 1940 г., мне пришлось закрыть консульство по предложению министерства Литовской новой власти. 31 августа я со всем консульским имуществом, делами и семьей уехал из Ковно — города памятного для меня / там родился у меня третий сын, покойный / в Берлин, где получил от ген. Осима распоряжение открыть новое генконсульство в Кенигсберге в Восточной Пруссии, а до этого, т.е. приблизительно полугода задержаться в Праге, возглавляя тамошнее генконсульство Японии, в ожидании завершения переговоров ген. Осима с Гитлером о разрешении ча открытие консульства в Восточной Пруссии.

Японское генконсульство в гор. Кенигсберге открылось мной 1 марта 1941 г. За 10 месяцев работы в восточно-прусском городе часто вызывал меня в Берлин сам генерал и очень интересовался моими устными сообщениями о впечатлениях от моих частых поездок на автомашине по

пограничной полосе. Причем ча эти авто-прогулки я всегда брал с собой своего "секретаря" - польского гражданина, о котором будет далее изложено. ча каждого из этих встреч в Берлине ген. Осима с большой напряженностью переспрашивал меня о прогнозе - Думаю ли я, что немцы все-таки выступят против СССР? На этот вопрос я всегда ему отвечал: "да", так как во время авто-прогулок так много приходилось мне замечать огромные колонны немецких моторизованных пехотинцев, идущих на восток.

С другой стороны, еще в апреле, т.е. после открытия генконсульства в Кёнигсберге, я попросил о приёме у гауляйтера Коха, так как я хотел, согласно общепринятой протокольной практике, сделать ему визит. Гауляйтер долго молчал, не хотел сразу ответить, только через месяц я был принят. Но Кох вел со мной разговоры очень коротко и, главное, крайне сухо. Я сразу почувствовал, что-то не ладно. Вот, через еще некоторое время из берлинского посольства стали мне передаваться сообщения о том, что мое пребывание в Восточной Пруссии не нравится Коху.

В декабре того же 1941 г. из Токио ко мне поступило, как я этого уже и ожидал, распоряжение о переводе меня в Бухарест на пост старшего секретаря японского посольства, вследствие того, что ген. Осима, повидимому, все же спался требованию Коха. Я покинул гор. Кёнигсберг числа 25 декабря 1941 г. оставив там секретаря Т. Сато в качестве моего приемника дел и еще Перца, о котором будет далее изложено.

2. Мои друзья - поляки в Ковно и Кёнигсберге

a. Каспчик

Мое консульство и квартира в Литве помещались в Ковно, ул. Вайдзюранто-гатве, в доме, принадлежащем бывшему министру народного просвещения Тонкучас.

После нескольких месяцев учреждения консульства в один день ко мне обратилась молодая европе"ская, правда, с незначительными азиатскими отпечатками на лице, жена с польским паспортом. Она называла себя дочерью японца Кавагоэ в Японии и выражала желание пр обратиться к нему. Через день эта женщина вновь пришла ко мне уже вместе с своим мужем лет 25-27.

Последний представился мне, как старшии лейтенант действующей службы польской армии, и заявил так, что я понял - разведчик польского генштаба и интересуется восточной культурой, желает поехать с женой Стеллой к ее родному отцу.

После тщательной проверки в Японии, я через некоторое время заявил супругам Каспцика готовность помочь им проехать в Японию через Германию. Как установилось, Стелла родилась в Бельгии между японским еще студентом Кавагоэ и бельгийской девушки. Кавагоэ, послушавшись родителям по возвращении на родину, прерывал связь ^с ее матерью, которая потом вышла замуж за русского царского офицера Чоллера, они проживали в том году в Вильно. Кавагоэ, как выяснилось, являлся владельцем известной бельгийской гостиницы и клуба гольфа в гор. Кавана, Япония, и сразу подтвердил, что Стелла есть его дочь и желает ее видеть у себя, и попросил меня оказать супругам содействие в деле поездки в Японию, прислав средства на путешествие.

Каспцики вскоре отправились в Японию через нацистскую Германию - Италию открыто с сертификатом, который им выдал, и прибыли благополучно в родную страну отца. У меня дома в Японии остался фото-снимок, изображающий, как мы на ковенском вокзале провожали их. Если Вы желаете посмотреть его, я могу выписать его в течение 1 - 1,5 месяца. После окончания войны я услышал, что муж Каспцик при каких-то неизвестных мне обстоятельствах погиб /убит/ в Китае, а жена Стелла вышла за мужа вторично и проживает под фамилией Каминская в Англии. ЕЕ адрес в "ондоне - Mrs. Stella Kaminskaya, 8 Courtfield Rd. London S.W.7, England.

б) Моеллеры

Перед отъездом из Ковно Каспцики очень просили меня позаботиться об оставшихся в Вильно своих родителях - Моеллерах, которые также с моей помощью в июле 1940 г. благополучно перебрались пешком через границу в Германию, жили впоследствие в гор. Познани. Из Познани они приезжали ко мне в гость в Коенигсберг. Перед моим переводом из Коенигсберга в Бухарест он был в последний раз у меня и я по его просьбе и по письменной просьбе Каспцика из Токио одолжил ему -

Моэллеру, если не ошибаюсь, 6,000 марок, как средство на жизнь. Сын Моэллерах, Александр, которого я не видал, писал мне 4 года тому назад, что он живет в Австралии: Alexander de Moeller, 20 Victor str., Hilton Park, Fremantle, West Australia

в. Кунцевич и Перц /или Пец/

В один весенний день 1940 г. Каспчик привел ко мне из Вильно 2 молодых поляков, один - Жорж Кунцевич и другой - Ян Перц /или Пец/. Жорж Кунцевич - капитан генштаба польской армии, разведчик, говорит по-русски ^{хорошо} и немецки, Ян Перц - старши лейтенант польской также армии в запасе, говорит также по-русски, но хуже Кунцевича. По просьбе Каспчика я принимал их каждый раз, когда они ко мне приходили.

В начале августа, когда мне стало известно, что мне предстоит закрыть консульство, они попросили и впредь ^{пожалуйста} оказать им протекцию. Я согласился и выдал им обоим японские служебные национальные посты, как секретарям консульства, и числа 20 августа отправил их в Германию на мой консульской машине, при этом договорившись вновь встретиться в Берлине. Все мы встретились в Берлине числа 3 сентября, взаимно выражали радость этой встрече на чистой, опасной для нас, правда, земле, находившейся в предвоенном настроении. Это было действительно крайне рискованным для меня, для моей карьеры, поступком, далеко выходящим из рамок моего полномочия и в нарушение служебной дисциплины и законов.

После кратковременной задержки в Берлине я поехал дальше в Прагу, на место временного пребывания, как уже сказачо, брал с собой Перца, а Кунцевича по его желанию оставил одного в Берлине.

Перц жил и находился все время при мне, и в Праге, и в Кенигсберге, и даже, как выше указано, оставался в Кенигсберге при Т.Сато. Только не знаю, как долго это ему удавалось. Мне совсем неизвестно, к чему в конце-концов привела его судьба. Кунцевич, оставшись постоянно в Берлине, приезжал ко мне в Кенигсберг весьма редко, всего, как мне помнится, два раза за весь период моей работы там. Про Кунцевича я услышал

еще в Бухаресте, что он через некоторое время после моего перевода туда был задержан Гестапо, сидел в корпусе № 35 в Берлине и затем расстрелян как польский шпион. Об этом, я, кажется, получил краткое сообщение также от сотрудника посольства Х.Фуруучи, 2-го секретаря; причем этот Х.Фуруучи являлся одним из двух или всего трех сотрудников посольства, которые знали характер моей работы в Ковно и Кенигсберге, и Кунцевич обращался к нему, когда ему понадобилось просить помочь для какого-либо оформления перед немецкими властями; Х.Фуруучи был и одним из всего двух самых близких к Ген.Осима секретарей, после войны назначался послом в Пакистане и Индонезии и членом коллегии министерства, вышел на персиду 3 года назад, в начале сего года на всеобщих выборах избран депутатом парламента. Вторым тогда близким к генералу был Ч.Усиба, тоже 2-й секретарь посольства, ныне заместитель министра иностранных дел в Токио.

Оба Кунцевич и Перц проживали в нацистской Германии как японские подданные, имея в руках японские служебные паспорта, мной, как уже изложено, выданные в Ковно.

Г. Болеслав Розицки

Болеслав Розицки, поляк, у меня в Ковно с самого начала работал официантом. Не помню, откуда и по чьей рекомендации он появился ко мне. Если не ошибаюсь, до меня он работал официантом у польского посланника в Ковно. Болеслав - человек чистоплотный, внимательный, хорошо умел готовить и обслуживать гостей на приёмах. Оставался у меня да работе до последнего дня в Ковно.: Когда польские беженцы стали волнами окружать дом консульства и не давать нам даже спать спокойно ночью, оч сам придумал и стал выдавать от себя беженцам нумерованные талоны на очередь на приём.

Месяца 3 тому назад в этом году неожиданно я узнал из письма от своей семьи в Японии, что туда

в составе какого-то польского квартета или оркестра приезжал сын Болеслав как музыкант и был в гостях у моего сына в Токио. Здесь излагаю его адрес в "ольше для Вашего сведения, так как о беженцах, которым я выдавал японские визы, он, я надеюсь, чрездо помнит и может рассказать больше. Он был гораздо моложе меня, беседовал с беженцами, помогал мне разобраться сочувственно в этих несчастных поляках в те грозные дни. Boleslaw Boleslaw Prusa 108-2, Wrocław, Poland.

4. Франц Косско

Франц Косско, поляк, работал у меня в генконсульстве в Кёнигсберге как швейцар и официант. Не могу вспомнить, откуда и по чьей рекомендации он появился ко мне. Очень возможно его с семьей - жена Мария и дочка Тамара, привел Перц. Работал у меня до последнего дня пребывания в Кёнигсберге.

После войны ко мне в Японию пришло письмо от жены Марии в Англии. Она попросила меня дать письменное подтверждение в том, что ее муж Франц, который, оказывается, умер еще до окончания войны, был, словом, в жизни против нацизма и политически настроен как демократ. Это заявление нужно было ей получить от британского правительства пенсии по мужу. Ея просьба была, конечно, мною удовлетворена. Вот, лондонский адрес мадам Косско: Mrs. Maria Kosko, 43 a, Cavendish Rd., London N.W.6.

Мадам Коско может, я уверен, также рассказать немало и про Перца.

3. Переотправка альбомов маршала Пилсудского

По просьбе некоего знакомого Кунцевича мною секретно" особой почтой отправлены из Ковно в адрес полковника "Иванова" в Стокгольме исторические альбомы маршала Пилсудского. Это лицо представилось мне, если не ошибаюсь, как адютант или бодхиник супруги маршала. Он противает в ~~кажде~~, два раза письмом из Канады спрашивал меня о том, куда я отправил альбомы. Видимо, они не попались в правильные руки от "Иванова".

4. Передача двух польских полковых знамен

По просьбе Кунцевича и Перца я при эвакуации из Ковно перевез два польских полковых знамени, спрятанные на дне моего чемодана. Они тоже были сданы в Берлине одному лицу, не помню кто это был, для передачи

10/12

* * * * *

"Иванову" в Стокгольма. Я крайне рад, что они остались
целыми у надлежащих хозяев.

5. Выдача польским беженцам японских виз

В один августовский день с раннего утра на улице консульства в Ковно послышался необычный шум. Какие то незнакомые разговоры людей все становятся громче. Чтобы узнать, в чем дело, я взглянул в окно своей квартиры. Оказывается, у забора квартир образовалась огромная толпа людей, которые оказались польскими беженцами, прибывшими через Вильнюс из разных районов Польши, находившихся уже под угрозой приближения немецких войск. Толпы с каждым днем возрастили. Они просили со слезами в глазах выдать им японские визы для проезда через Японию на другие континенты. Большинство указывало конечными пунктами поездки - Латинскую Америку, США и Израиль.

По общепринятому порядку им полагалось для получения транзитных виз представить визу или какой-нибудь другой документ от власти той страны, куда они хотели въезжать. В деле, только у немногих были в руках ~~авдавити~~ правительства США, а у остального большинства не было никаких документов, подтверждающих их бесприятственный въезд в другую страну после Японии. Естественно в течение 10 дней мне пришлось вести с токийским министерством телеграфные переговоры для получения его разрешения на выдачу виз беженцам, так как они старались уверять меня в том, что будто они обязательно получат требуемые визы от соответствующих консульств других стран в Японии и для этого лишь бы добиться до Иокогамы и Кобе. На мои запросы в Токио последовали только отрицательные ответы.

Беженцы - это не только мужчины, но и женщины, старики и дети, все, видно, очень усталые и измученные. Неизвестно, где в те дни в Ковно им удавалось переночевать, на вокзале или просто на улицах в чужом городе. Я ^{написал} наводил справку о советских транзитных визах для их проезда через СССР. Сов.консульство разяснило мне, что оно готово выдавать эти визы, если только у них будут сперва японские визы. Это все происходило, когда у меня самого оставалось лишь 20 дней до срока эвакуации из Ковно. Число беженцев - просителей все увеличивается. Числа 10 августа, я, наконец, решил, что больше продолжать переговоры с Токио напрасно, это - лишняя потеря времени, да

у меня тоже масса дел, связанных с ликвидацией консульства.

И так с числа 11 августа я самовольно начал, при том конечно за свою полную ответственность, выдавать японские транзитные визы буквально всем, кто обращался ко мне, без разбора - есть у них какой-нибудь документ, свидетельствующий въезд в другую страну после Японии, или нет, прямо как пулеметчик стреляет из пулемёта. В этом канцелярском деле мне помогал единственный секретарь консульства Фолксдойче Вольфганг Гудже, которого я нанимал с самого начала существования консульства.

Числа 20 августа ко мне стали поступать как от токийского министерства, так и непосредственно от капитана японского парохода, регулярно курсирующего между портом Владивостоком и японском портом Цуруга на побережье Японского моря, срочные телеграммы, в которых они сообщали о продолжающемся скоплении польских беженцев массах, стремящихся кто как скорее попасти на японский пароход во Владивостоке, имея в руках мои визы, и о том хаосе, который естественно возник у местных властей в городах Иокогама и Кобе в связи с предстоящими неизбежными громадными заботами по организации и руководству комитетами по делам беженцев, и они в телеграммах требовали мне прекратить дальнейшую выдачу виз.

Не обращая на это внимание, исходя только из своего чувства гуманизма, из любви к человеку и при том предвидя неизбежность увольнения меня из министерства, я все равно продолжал впредь до отхода берлинского поезда утром 31 августа 1940 г. работу по выдаче виз всем, кто только просил меня из поляков.

Этого снимка прилагаю фото-снимок, сделанный мной ранним утром 3 или 4 августа и изображающий группу беженцев, переночевавших на улице возле забора консульства и ожидающих открытия дверей его канцелярии. По использовании прошу его вернуть верной почтой.

Общее число польских беженцев, которые получили у меня транзитные визы для проезда через Японию, по моей

памяти, достигало около 3,500 человек. В этом числе, и помню, было около 2500 евреев, которые имели при себе какие то удостоверения от израильских властей; не мало прибыло в Ковно из Лодзи, если память мне неизменяет.

Польские беженцы, прибравшиеся до Японии, несмотря на заверения, данные ими мне в Ковно, довольно долго задержались в городах Кобе и Йокогаме, некоторые оставались даже по 3-4 года. На такие средства они смогли проживать там, я не знаю и не стал интересоваться, так как после войны я старался забыть все о прошлом.

6 лет тому назад в Токио, однажды мои коллеги показали мне почтить старый номер, вышедший еще год до того назад, еженедельного журнала издательства влиятельной японской газеты "Асахи". В нем помещена большая статья - репортаж корреспондента газеты "Асахи" в Тель-Авив под заголовком: "Японец - Спаситель многочисленных евреев". Корреспондент пишет - "... в Израиле нередко случается, что прохожие, если на улице встретят японцев - туристов, то они обязательно подходят к ним и спрашивают: здоров ли еще японский консул в Ковно и т.д...."

6. Относительно Т.Сато

Вы в своем письме упоминаете о Т.Сато. Т.Сато был у меня секретарем генконсульства в Кенигсберге, но не был в курсе моей работы, остался там моим заместителем после моего отъезда в Бухарест, в конце декабря 1941 г. Т.Сато никогда не был в Ковно. Пери дружил и старался поддерживать с ним хорошие товарищеские отношения. Несколько лет назад Т.Сато работал переводчиком в Büro обслуживания иностранцев при токийском аэропорте "Ханеда". Где он работает сейчас, к сожалению, не могу сказать.

7. Дипкорпус в Ковно

Вы спрашиваете о посланцах других стран в Ковно. К сожалению, я должен Вас огорчить, так как не помню ни одного из них по фамилии. Во-первых, в те времена я встречался с членами дипломатического и даже консульского корпусов весьма редко. Мне кажется, Вы смогли бы какнибудь узнать о них у протокольного отдела варшавского министерства.

XXXXXX XXXXXXXX

Прошу Вашего прощения за то, что я не смог написать настоящее сообщение параллельно на японском языке просто по "языческой причине".

